

Идея справедливости и конституционные проблемы социального государства

Кочетков В.В.,

кандидат философских наук,

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления
Академии гражданской защиты МЧС России

E-mail: vovov69@mail.ru

Аннотация. Почему в процессе преодоления последствий кризиса все чаще говорят о необходимости отказа от модели социального государства? Автор считает, что основанием для такого рода рассуждений являются реальные конституционные проблемы теории и практики социального государства. Однако их разрешение на основе предлагаемого в данной статье аксиологического понимания конституционализма позволяет сохранить институты, которые необходимы для реализации базовых ценностей западной цивилизации — свободы и справедливости. Только на этой основе можно выработать общественный консенсус по поводу способов преодоления современного мирового кризиса. Кроме того, такая впервые осуществленная и обоснованная в отечественной литературе аксиологическая интерпретация конституционализма должна, по мнению автора, определять правотворчество и правоприменение в Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционализм, социальное государство, свобода, частная и публичная автономия, человеческое достоинство, социальная справедливость.

Идея социальной справедливости лежит в основании российской государственности, что отражено в тексте преамбулы Конституции 1993 г. Правовая конкретизация этой ценности осуществлена в теории и практике социального государства¹. В данной работе рассматриваются аргументы тех правоведов, которые вскрыли реальные конституциональные проблемы социального государства. Это важно сделать не только потому, что их тезисы лежат в основе некорректного анализа причин и путей преодоления современного кризиса, но и потому что они являются идеологическим обоснованием деятельности российского правительства, которая оказывает негативное влияние на судьбу социального государства в нашей стране. Говоря о конституционных проблемах социального государства, мы имеем в виду не конкретные тексты каких-либо конституций, а ведем речь об антиномичной реализации базовых принципов конституционализма в теории и практике социального государства. Наша позиция заключается в том, что реальные конституционные проблемы социального государства являются внутренним источником развития данной концепции, а ни в коем случае не свидетельствует о ее несостоятельности. В данной работе мы постараемся показать, что решение этих проблем возможно на пути развития конституционализма как определенной мировоззренческой парадигмы.

В отечественной юридической литературе к основным признакам социального государства относят, как правило, обеспечение достойной жизни

и создание условий для свободного развития человека. Наиболее типичское для российского правового дискурса определение данного феномена можно найти у исследователя Н.А. Баиевой: «Государство может быть определено как социальное лишь тогда, когда проблема воспроизводства жизни человека как биологического существа, как потенциального субъекта всех видов общественной жизнедеятельности становится главной задачей институтов государственной власти, когда создана и действует правовая система защиты социальных интересов личности, когда на решение социальных проблем сориентированы экономика, политика и духовная жизнь общества»². По нашему мнению, такое понимание сущности социального государства не добавляет ничего собственно научного к ст. 7 Конституции РФ, которая гласит: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий «обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Очевидно, что научнообразное повторение конституционной нормы не раскрывает ее аксиологическое содержание.

Российские юристы, как правило, убеждены в том, что институты социального государства имеют неслучайное происхождение. Как отмечает известный отечественный ученый С.С. Алексеев: «Объективные предпосылки идеи социального государства те же, что и основание “второго поколения” прав человека, — гигантский научно-технический прогресс, переход общества от традиционных к либеральным цивилизациям, потребовавшие гуманистического содержания

¹ См.: Кочетков В.В. Еще раз о сущности социального государства // Закон и право. 2009. № 7. С. 5–13; Он же. Справедливость как сущность социального государства // Философия права. 2009. № 5. С. 32–36.

² Баиева Н.А. Социальное государство и его основные критерии. URL: <http://science.ncstu.ru/articles/law/f06/04/pdf>

либерализма, обеспечение достойного уровня жизни людей, выработки форм социальной, в том числе государственной деятельности, направленной на общественное служение»³. Однако такое понимание генезиса этого феномена не объясняет, почему становление институтов социального государства растянулось почти на целое столетие (с середины XIX в. до 50–60 гг. XX в.), а самое главное — почему в конце XX в. начался кризис социального государства в развитых странах мира. Ведь научно-технический прогресс только ускоряется, а развитие экономики достигло небывалых высот.

Если придерживаться вышеизложенной точки зрения, то нечего возразить такому отечественному исследователю, как В.А. Четвернин, который считает, что социальное государство, по сути, объективно невозможный феномен. Основным принципом социального государства, согласно этому ученому, является произвольное перераспределение национального дохода в пользу социально слабых. А это противоречит главному постулату правового государства — формальному равенству и господству права в материальном смысле⁴. В социальном государстве, по мнению В.А. Четвернина, вообще нельзя говорить о правах человека второго поколения, а только о наличии привилегий у определенных групп населения. И в этом случае получается, что общество делится на тех, в чью пользу перераспределяется национальный доход, и тех, за чей счет он перераспределяется. Поэтому принцип социальной государственности — это несправедливость, или уравниловка⁵. Правда, этот исследователь не объясняет, почему поддержка социально слабых групп населения является уравниловкой и, самое главное, по отношению к кому это несправедливо: к олигархам, к чиновникам или рабочим.

В.А. Четвернин также утверждает, что Россия должна сначала пройти путь либерального капитализма с необузданным рынком. Это связано с тем, что подлинно социальным может быть только уже правовое государство, то есть такое, в котором механизмы господства права способны удерживать «перераспределительный произвол» власти в жестких рамках. Иначе говоря, этот российский юрист убежден только в том, что возможно лишь социальное правовое государство. В таком государстве индивид рассматривается как автономный субъект, несущий полную ответственность за свою жизнедеятельность. Институты такого государства гарантируют (не по-

нятно, правда, почему, ведь это противоречит его правой природе и взглядам самого В.А. Четвернина) лишь некий минимум социальных благ, постольку обеспечение этого минимума не вредит гарантиям свобод, безопасности и собственности⁶. Как мы увидим ниже, эти тезисы нашли живейший отклик у читателей из российского правительства в начале XXI в.

В ответ на такие серьезные обвинения в уравниловке, эксплуатации привилегированным меньшинством (получателями государственных пособий) всего остального народа (честные налогоплательщики) в российской правовой науке была выработана следующая позиция: государственная власть социальна по своей природе, следовательно, ее целями является не только устройство жизни человека, но и удовлетворение его материальных и духовных потребностей и интересов, осуществление требований социальной справедливости. Как отмечает в этой связи академик О.Е. Кутафин: «Главная задача социального государства — достижение такого общественного развития, которое основывается на закрепленных правом принципах социальной справедливости, всеобщей солидарности и взаимной ответственности. Социальное государство призвано помогать слабым, влиять на распределение экономических благ исходя из принципа справедливости, чтобы обеспечить каждому достойное существование»⁷. Причем социальная справедливость этим выдающимся ученым связывается с обеспечением прав человека, что, например, в распределительных отношениях означает соответствие между трудовым вкладом и его оценкой обществом. (А как быть с правом собственника на доход невзирая на неучастие в труде?) «В отношениях, связанных с принуждением, с ответственностью, справедливость есть соответствие между мерой нарушения и мерой назначения. В сфере управления справедливость заключается в установлении минимально необходимых пределов власти и гарантий для управляемых от злоупотреблений ею»⁸. Но ведь это всего лишь принципы «либерального» правового государства, основанные на предполагаемом эквивалентном воздаянии в условиях свободного рынка и на полной автономии индивида от государства. При таком подходе, на наш взгляд, невозможно также обосновать и необходимость для государства обеспечивать достойную жизнь каждому гражданину. Остается только уповать на социальную природу всякой государственной власти, хотя остается загадкой, как объяснить многочисленные случаи

³ Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия. Опыт комплексного исследования. М.: Норма, 1999. С. 683.

⁴ См.: Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / отв. ред. В.А. Четвернин. М.: Центр конституц. исслед. Моск. общ. Науч. Фонда, 1997. С. 55.

⁵ См.: Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий С. 57.

⁶ См.: Там же. С. 58.

⁷ Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. С. 347.

⁸ Там же. С. 320.

разорения своих сограждан, которые случались в истории многих государств⁹.

На эти все слабости в обосновании концепции социального государства обратил внимание известный российский правовед Л.С. Мамут. В своей известной статье «Социальное государство с точки зрения права» он выдвинул несколько серьезных аргументов против этой концепции.

Во-первых, Л.С. Мамут считает ошибочным отождествление государства с его аппаратом, поскольку «под государством подразумевается публично-властным способом агрегированное и устроенное общество, достигшее в своем экономическом и социокультурном развитии стадии цивилизации»¹⁰. Или, другими словами, государство есть не что иное, как публично-властная организация народа, возникающая на известном этапе его истории. Поэтому нельзя говорить о социальных требованиях к государству (его аппарату), поскольку его аппарат распоряжается только тем богатством, которое создано всеми членами общества. Соответственно, с этой точки зрения становятся безнравственными претензии отдельных членов общества, не участвующих в совместной деятельности, на какую-либо часть общественного богатства. Эти требования безнравственны вдвойне, ибо они стремятся опереться на принудительную силу государственного аппарата.

Во-вторых, по мнению Л.С. Мамута, не все благополучно в концепции социального государства и с точки зрения права. Ведь право выступает в качестве регулятора общественных отношений, построенных на основе взаимности и эквивалентности. Как пишет этот ученый: «Взаимность составляет сокровенный дух права, но в праве она уже приобретает форму эквивалентности. Правовыми данными притязания становятся (превращаются в правомочия) именно вследствие того, что таковые находятся в неразъединимой связке с корреспондирующими им обязанностями»¹¹. Исходя из такого понимания права, вывод следует только один: «Процесса взаимодействия в рамках социальной деятельности современного государства не происходит. Черты обоюдности, взаимности ей не присущи. Такой констатации довольно для признания того, что она протекает вне сферы права, несущей конструкцией которого является, повторюсь, как раз принцип эквивалентности»¹².

⁹ В российской истории самые вопиющие подобные случаи — опричнина Ивана Грозного, реформы Петра I, коллективизация И.В. Сталина, а из недавнего прошлого — либеральные реформы в 90-е гг. XX в.

¹⁰ Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5–14. Мы ссылаемся на текст, опубликованный на URL: www.libertarium.ru/1958?print.view=yes/

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Поскольку блага, которые получают некоторые граждане социального государства, поступают к ним по логике социального обеспечения на безвозмездной основе, постольку так называемые социальные права не только безнравственны, ибо претендуют на чужие блага, но носят и антиправовой характер.

В-третьих, Л.С. Мамут возражает против связывания источника социальных прав с категорией «человеческое достоинство», что, например, себе позволяют авторы «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» (1966)¹³. Наш правовед резонно возражает, что нет общепризнанного понимания данной категории в отечественной юриспруденции (как будто есть такая ясность с другими правовыми категориями). Поэтому невозможно с толком размышлять о тех «правах, которые возникают из этой непонятной субстанции, об их основании и содержании»¹⁴. Каждый человек в любом государстве обладает определенными правами и обязанностями, но не из-за того, что ему присуще какое-либо врожденное достоинство, а потому что он включен в определенную сеть социальных взаимодействий. Поэтому экономические, социальные и культурные права базируются не на праве (в понимании Л.С. Мамута), а на законе. «Государством (через его органы публичной власти) они официально провозглашаются и признаются, легализируются. Но обязанностей, корреспондирующих этим правам-притязаниям, нет»¹⁵. На первый взгляд, такая общественная интерпретация «человеческого достоинства» через включенность индивида в систему общественных взаимосвязей сильно напоминает тезисы такого теоретического противника идей самостоятельного значения права, как К. Маркс¹⁶. Но наш уважаемый государствовед не видит никакого противоречия в своей интенции обосновать неправовой характер социального государства, а также умалить значение категории человеческого достоинства для юриспруденции.

На эти же цели направлен и последний — четвертый аргумент Л.С. Мамута — тезис о принципиальной несправедливости социального государства. «Если под справедливостью понимать формальное равенство свободных людей, соответствие (соразмерность) их правомочий и обязанностей, эквивалентность отдаваемого ими обществу и получаемого от него (приемлемо только такое понимание справедливости), то

¹³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/patecon.html

¹⁴ Мамут Л.С. Указ. соч.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Например: «Сущность человека есть совокупность всех общественных отношений» (Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 3. С. 1–5).

в социальной деятельности государства она, конечно, не реализуется»¹⁷. И далее: «Мир права “не оборудован” под воцарение в нем “социальной справедливости” (фактического равенства). Он строится как совокупность горизонтальных симметричных отношений между участниками универсального процесса социального взаимодействия»¹⁸. Л.С. Мамут призывает в этой связи не путать моральный долг помогать нуждающимся согражданам и правовое должностованние. Справедливость — это формальное равенство, а социальная уязвимость некоторых категорий граждан не возлагает на государственно-организованное общество правовое обязательство обеспечивать каждому «достойную жизнь». В этой связи становится не понятно, как можно, исходя из марксистского понимания общественной сущности человека, не делать следующий шаг и не признавать несправедливыми такие формально-равные социальные взаимодействия, в результате которых появляются массы нуждающихся граждан. Это возможно только в одном случае, если считать вслед за Ф.А. Хайеком, что «справедливыми или несправедливыми могут быть только ситуации, созданные по воле человека, а частности стихийного порядка не могут быть справедливыми или несправедливыми»¹⁹. А следующим шагом — признать человеческую неполноценность (недостойность) этих категорий социально обделенных граждан.

Такая антигуманная критика концепции социального государства стала возможна в теории (и отчасти реализуется на практике российским правительством), потому что в отечественной юридической и философской литературе практически отсутствуют работы, в которых бы эксплицировалась аксиологическая взаимосвязь данной концепции с теорией и практикой конституционализма. Рассмотрим, как можно ответить на вышеописанные упреки в адрес социального государства с точки зрения конституционализма.

В данной работе под конституционализмом понимается философско-юридическая доктрина, а также реальная практика государственного строительства, которая считает возможным и необходимым строить на рациональной (договорной) основе систему государственного управления, взаимоотношений между гражданином и властью, а также между гражданами. Эта доктрина исходит из признания равного достоинства за каждым свободно определяющимся (суверенным) субъектом социума (индивид, группа граждан). Данное признание достоинства реализует-

ся через предикацию естественных и неотчуждаемых (гарантия свободы разума и воли в рамках правил поведения данного общества) прав (свободы делать/не делать что-либо) гражданину, при условии признания последним и честного следования всей совокупности рациональных правил общественной и государственной жизни. Иначе говоря, *конституционализм есть некая теоретическая парадигма, решающая задачу по разработке определенных принципов справедливого устройства общественной жизни, которые бы позволяли обеспечить реализацию частной и публичной автономии для всех социальных субъектов*. Для него категории «свободы», «справедливости» и «человеческого достоинства» являются фундаментальными ценностями.

Поэтому конституционализм сопрягает категорию «свободы» и категорию «достоинство человеческой личности» в неразрывном аксиологическом синтезе. Без признания достоинства (или правосубъектности, согласно юридической терминологии) человека не возможна объективация его свободы. Ведь если кто-то недостойно признания быть человеком, то его удел, согласно известному определению раба, данному Аристотелем, быть мыслящим орудием в руках «настоящих» людей²⁰. Можно даже с уверенностью сказать, что этот синтез лежит в основании европейской культуры. Еще крупнейший мыслитель Средневековья Фома Аквинский писал: «Мы называем свободным человека, который есть причина самого себя»²¹. Человек же эпохи модерна, а тем более постмодерна уже не мыслит себя состоявшейся личностью вне права, защищенного государством и признанным другими личностями — членами данного социума, на частную и публичную автономию. Как подчеркивал еще И. Кант в «Критике практического разума» (1788): «Автономия есть основание достоинства человека и всякого разумного естества»²². Свобода индивида стала необходимым условием обретения им человеческого достоинства. Без признания этой взаимосвязи мы не можем говорить о человеке как о свободном и моральном существе, которое несет полную ответственность за свой выбор. Именно поэтому в юриспруденции правосубъектность гражданина неразрывно связана с его деликтоспособностью. Великий немецкий философ писал в этой связи, что «автономия воли есть единственный принцип всех законов и соответствующих им обязанностей; всякая же гетерономия произвольного выбора не создает обязательности, а, скорее, противостоит ее принципу и

¹⁷ Мамут Л.С. Указ. соч.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Хайек Ф.А. Право, законодательство и свободы: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2004. С. 202.

²⁰ См.: Аристотель. Политика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 382.

²¹ Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II–I. Киев: Эльга: Ника-Центр, 2006. С. 92.

²² Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 278.

нравственности воли»²³. Иначе говоря, частная и публичная автономия является морально-правовой квинтэссенцией понятия «свободы», а также объективной предпосылкой достоинства индивида, а способность реализовать это право — субъективным условием признания достоинства личности со стороны общества и власти.

Конституционализм появился как новая парадигма в условиях становления буржуазного общества. Под таковым в научной литературе понимается победоносно распространившийся в XVIII — начале XIX столетия общественный порядок, характеризующийся четырьмя основными признаками. Во-первых, правом свободного самоопределения индивида в тех сферах общественной жизни, которые не интегрированы непосредственно в официальные государственные структуры, прежде всего в экономике и культуре. Институциональной основой этого права была частная собственность. Во-вторых, саморегуляцией свободно протекающего процесса экономического и культурного развития исходя из принципа свободы договора при распоряжении своей частной собственностью. В-третьих, достижением максимальной экономической и культурной результативности в процессе свободного соревнования на основе принципа индивидуальной ответственности. И, в-четвертых, формированием новых общественных элит — буржуазии, вытесняющей с государственных должностей прежние привилегированные сословия, прежде всего земельное дворянство. Теперь человеческое достоинство выводилось из имущественных цензов, а не из аристократических заслуг. Формирование такого общества являлось, по сути своей, грандиозной социальной революцией, независимо от формы ее протекания.

На этапе становления конституционализма первой его программой стала теория правового государства. Под «правовым государством» в данной парадигме понимается государство, имеющее своей целью создание институциональных предпосылок для признания равного человеческого достоинства за каждым гражданином через обеспечение реализации его права на частную и публичную автономию. Для решения этой задачи в теории правового государства были разработаны определенные принципы. Во-первых, это принцип разделения властей, то есть разделенного существования законодательной, исполнительной и судебной власти. Во-вторых, принцип независимости суда, согласно которому как процесс судопроизводства, так и принимаемое судом решение должно быть полностью независимым как от воздействия вышестоящих инстанций, так и любого воздействия извне. В-третьих, это принцип подзаконности административного управления, ко-

торая исключает возможность осуществления такой административной деятельности, которая не базируется на нормах существующего законодательства, а, самое главное, она не должна противоречить базовым ценностям конституционализма. Иначе говоря, административная деятельность не может ограничивать свободу и умалять человеческое достоинство за исключением экстремальных общественных ситуаций (война, чрезвычайное положение в связи с какими-нибудь природными катаклизмами и т.п.). В-четвертых, это принцип правовой судебной защиты, который гарантирует возможность выигрыша судебного иска против любого противоправного административного действия. В-пятых, это принцип общественно-правовой компенсации, обеспечивающий право на имущественную компенсацию пострадавшим вследствие как законной, так и противозаконной административной деятельности. Очевидно, что эти принципы внутренне взаимосвязаны и не могут функционировать отдельно друг от друга.

Однако нельзя, как это делают многие российские юристы, редуцировать все содержание понятия правовое государство к вышеперечисленным принципам. Это всего лишь признаки формальной законности, которыми, как показал опыт становления демократии и правового государства в некоторых странах, могут лишь отлично управлять и извращать бюрократы всех мастей. «Истинный смысл, истинная суть правового государства — это реальная, материальная справедливость. Государство является воистину правовым лишь в том случае, если оно — как в своих структурах, так и в своей деятельности — направлено на обеспечение справедливости»²⁴. Очевидно, что идея социальной справедливости является конституирующей в процессе солидаризации общества на протяжении всей человеческой истории. Именно представление об общественном отношении как справедливом, intersubъективно признаваемом, обеспечивает легитимацию политических институтов и лидеров. Иначе говоря, идея социальной справедливости осуществляет ценностную интеграцию всех членов общества. Поэтому вышеуказанные пять принципов формальной законности являются всего лишь средством на службе идеи реальной справедливости, в практическом осуществлении которой и оправдывается идея правового государства как таковая.

Безусловно, в каждом типе общества существует свое понимание идеи социальной справедливости²⁵. В этой связи социальная справед-

²³ Кант И. Указ. соч. С. 350.

²⁴ Политическая философия в Германии: сб. ст. М.: Совр. тетради, 2005. С. 170.

²⁵ «Справедливость, как полагалось во времена становления и укрепления буржуазного общества, заключалась в том, чтобы обеспечить каждому такие его естественные права, как право на жизнь, на свободу, на собственность —

ливость вступает как конкретно-историческая форма социального компромисса, достигаемого на рациональной (дискурсивной) основе, как конкретно-историческая правовая (моральная) форма признания человеческого достоинства. Подобно тому, как наука открывает различные формы истины, а не истину как некий абсолют, конституционализм в конкретных исторических обстоятельствах рационально (дискурсивно) вырабатывает форму социальной справедливости. Говоря философским языком, социальная справедливость есть атрибут, а не субстанция, это ценностное измерение легитимации власти и социального порядка. Парадигмально *социально справедливым в доктрине конституционализма является такое общественное состояние (положение закона, функционирование политического института), которое не ограничивает, а расширяет пространство свободы индивида, сферу его частной и публичной автономии*. Необходимо также отметить, что в истории конституционализма социальная справедливость выступала как рационально (дискурсивно) обоснованная форма признания человеческого достоинства.

Индустриализация в XIX в. привела к ситуации, когда представление о справедливости, теоретически осмысленное в законченном виде в теории правового государства, которое в свое время объединило третье сословие и повело его на штурм традиционных институтов старого порядка, не могло быть реализовано. Какие же проблемы породила индустриализация, которые не могли быть решены в рамках первоначального дискурса конституционализма? Создание крупных заводов и фабрик потребовало концентрации в городах индивидов, продающих единственную свою собственность — свою способность к труду, то есть рабочую силу, и получающих взамен все, что необходимо для жизни — жилье, пищу и т.д. Лишенные традиционной социальной защиты со стороны местной общины (соседской солидарности) и не имеющие частной собственности, эти индивиды в глазах буржуазии были также лишены и человеческого достоинства. И именно поэтому они могли быть подвергнуты эксплуатации. Пауперизация, так ярко описанная К. Марксом и другими социалистами, вызвала классовую борьбу за утверждение человеческого достоинства людей наемного труда и идеи справедливости. И не случайно эта борьба велась, прежде всего, за политические права, а потом уже за социальные, экономические и иные права²⁶, так как в конституционализме частная и публичная автономия тесно взаимосвязаны.

то есть права, которые положены каждому индивидууму от природы, права, неотъемлемость которых диктует разум» (Политическая философия в Германии. С. 171).

²⁶ Напомним, что изначально политические права гражданина через имущественный ценз были непосредственно взаимосвязаны с его частной собственностью.

Поскольку граждан как собственников становилось все меньше, постольку общество, чтобы избежать десолидаризации и полного саморазрушения, во имя справедливости и свободы для всех граждан было вынуждено отказаться от идеи государства как ночного сторожа и создать его новый тип, получивший в научной литературе название «социального государства». Такое государство должно было обеспечить воспроизводство гражданина как человека с чувством достоинства, способного к частной и публичной автономии, из массы людей, лишенных собственности и живущих наемным трудом.

Для того чтобы появилась возможность включения лишенных собственности граждан в демократический процесс, потребовалось переосмыслить и переформулировать ряд принципиальных «естественных прав» человека — права на жизнь и права на собственность, а также и концепцию права как такового.

Прежде всего стало ясно, что для граждан, существующих за счет продажи своей рабочей силы, право на жизнь может быть реализовано только в виде права на достойный труд. Именно поэтому все мероприятия по гуманизации труда начинались во всех странах с деятельности фабричных инспекций.

Далее было установлено, что матрица индивидуального и свободного трудового контракта не создает равноправия сторон (рабочего и капиталиста) в договоре, хотя именно на этом постулате держалось тогдашнее право. Такое равенство может быть достигнуто только через признание реальности и значимости трудового коллектива, который дает возможность отдельному рабочему реализоваться как полноценному субъекту в отношениях с работодателем. Поэтому во всех развитых странах неизбежно возникали профсоюзы, способные на равных вести переговоры с предпринимателями, а также появился механизм коллективного трудового договора, где определялись базовые условия по найму.

Вершиной процесса пересмотра основных догматов «классического» правового дискурса стала система обязательного коллективного страхования²⁷ от рисков наемного труда (внезапной утраты трудоспособности, старости, безработицы и др.)²⁸. Теперь в системе обязательного

²⁷ Первые законы об обязательном социальном и ином страховании лиц наемного труда (рабочих) почти синхронно принимаются в развитых странах Европы во второй половине XIX в. По мере распространения матрицы наемного труда в индустриальном обществе эти формы социальной защиты были распространены и на другие категории граждан, в том числе и на представителей так называемых свободных профессий, таких как врачи, инженеры, учителя и т.д.

²⁸ Как справедливо отмечает французский ученый Р. Кастель: «Технология страхования играла фундаментальную роль в изменении правовой сферы. Разделяя законные обязательства и индивидуальную ответственность, социальное

социального страхования индивидуальный риск покрывается за счет того, что он включен в систему коллективной защиты. Но самое главное заключалось в том, что эта система позволяла преодолеть дихотомию автономная собственность/гетерономный труд. «Решение социального [рабочего] вопроса состояло не в том, чтобы отменить оппозицию собственник/несобственник, а чтобы переопределить ее, то есть противопоставить частной собственности другой тип собственности, а именно общественную, позволяющей получить защиту, не имея частной собственности. [Теперь] источником социальной безопасности стала своего рода передача собственности посредством труда и под контролем государства»²⁹.

Появление собственности общественных фондов, управляемых государством, создало новую историческую ситуацию, когда взносы в общие фонды были обязательны и при этом давали неотчуждаемое право, которое нельзя было вывести на рынок. Зарплата перестала являться только вознаграждением рабочему, эквивалентом стоимости его рабочей силы. Отныне она содержала в себе часть, представлявшую собой своеобразную трудовую ренту для внепроизводственных ситуаций. Тем самым страхование вписывает рабочего в правовой порядок.

Определенные преференции в этой связи получило и государство. Теперь, управляя общественной собственностью, оно перестало быть только защитницей буржуазной собственности и, следовательно, оно начало опираться на широкую социальную базу. У него отпадает необходимость бороться с программой социалистического присвоения всей собственности. Можно с уверенностью сказать, что «обеспечивая социально слабым гражданам прожиточный минимум, который необходим для сохранения их человеческого достоинства, социальное государство принимает тем самым ответственность за обеспечение предпосылок, необходимых для функционирования закрепленных в конституции гражданских свобод»³⁰.

На основании вышесказанного можно выделить следующие характеристики, значимые для правового и философского дискурса, которые определяют природу и происхождение социального государства.

Первая характеристика — это обязательная природа социального государства. Она

выражается в том, что правовое государство под угрозой утраты своей легитимности принимает для сохранения стабильности гражданского общества новые определенные обязанности по отношению к своим гражданам, что проявляется в признании им соответствующих социальных прав. Заметим, что из констатации обязательственной природы социального государства вытекает возможность рассматривать его как программу, а значит, и оценивать по таким критериям, как эффективность, осуществимость, релевантность состоянию общества.

Вторая характеристика фиксирует то, что содержание обязанностей социального государства (и соответствующих прав граждан) состоит в обеспечении возможностей для реализации частной и публичной автономии граждан, то есть возможности для каждого человека испытать чувство свободы и ответственности за свою судьбу и судьбу своего сообщества. Достигается это за счет признания факта несамостоятельности и нестабильности гражданского общества на индустриальной фазе развития капитализма, который описывается в виде определенных социальных рисков. Вследствие чего появляется необходимость обеспечения государством своим гражданам минимальных жизненных условий для сохранения возможности частной и публичной субъективности (активности).

Третья характеристика — это признание абсолютного равенства политических, социальных и иных прав, а также их внутренней правовой взаимосвязи, у всех граждан независимо от их принадлежности к классам или иным социальным группам. По сути дела, это означает признание равного человеческого достоинства (правосубъектности) за всеми гражданами³¹.

Четвертая характеристика — это реальная заинтересованность государства в проведении активной социальной политики в целях самосохранения, основывающаяся на совпадении интересов гражданина и государства в условиях демократической легитимизации власти.

Таким образом, с точки зрения конституционализма, *социальное государство можно определить как государство, которое публично-властным образом гарантирует каждому гражданину такие стандарты материальных условий жизнедеятельности, которые позволяют ему реализовывать свое право на частную и публичную автономию*. С политической точки зрения, социальное государство можно также

право может учитывать обобществление интересов, что является следствием солидарности, объединяющей разные части социального тела <...> Система страхования запустила механизм солидарности, даже если акционеры не поняли этого» (Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009. С. 338).

²⁹ Кастель Р. Указ. соч. С. 343.

³⁰ Политическая философия в Германии. С. 10.

³¹ В этой связи необходимо подчеркнуть, что государство, поддерживающее кастовость (неравенство) общества, не делающее в своей политике ничего, что было бы направлено на разрушение жестких перегородок между социальными слоями, не может считаться социальным, хотя бы оно и проводило в соответствие со своей социальной природой активную политику, направленную на удовлетворение потребностей граждан.

рассматривать как институционализированный классовый компромисс, имеющий своей легитимирующей основой активное создание властью возможностей для удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей индивидов в условиях демократии. В этом и заключается аксиологическое значение теории социального государства в парадигме конституционализма.

Теперь мы в состоянии разрешить конституционные проблемы социального государства, которые были отмечены Л.С. Мамутом и В.А. Четверниним.

Первая проблема, которая выражается в безнравственности требований признания социальных прав, адресованных государственному аппарату, поскольку государство есть агрегированное общество, решается в аксиологическом конституционализме следующим образом. Конституционное (правовое) государство имеет не естественное, а договорное происхождение. Исходя из признания равного человеческого достоинства за каждым гражданином, а в случае народа в целом говорят о его суверенитете, конституционное государство есть совокупность определенных институтов, призванных реализовывать конституционные ценности, то есть наполнять реальным содержанием понятия свободы и справедливости. Поэтому любые требования обеспечения человеческого достоинства должны быть обращены именно к государственным органам, а безнравственным же является стремление умалить такое право.

Вторая проблема В.А. Четверниним формулируется как противоречие между требованиями правового государства и целями государства социального, а Л.С. Мамут предпочитает говорить о неправовой сущности социального государства. Сутью первого, по их мнению, является корреспондирование прав и обязанностей на основе принципа эквивалентности обмена. В случае социального обеспечения надо говорить о привилегиях, а не о правах. С точки зрения конституционализма, это не что иное, как необоснованная редукция абстрактной правовой формы к формулам простого товарного производства, отраженным еще римским частным правом, то есть сведение всей полноты человеческой свободы к одной — рыночной — форме частной автономии, где применим диспозитивный метод. В случае государственного строительства, которое регулируется отраслью административного права с его императивным методом, затруднительно говорить об эквивалентности обмена. В конституционализме обязанностям государства создавать условия для реализации частной и публичной автономии на основе признания равного человеческого достоинства противостоят права граждан требовать исполнения этих обязательств. В сфере материальной жизнедеятельности эти права называются социальными и экономическими.

Третье замечание в адрес социального государства связано с отрицанием значимости категории «человеческое достоинство», поскольку не существует общепризнанной ее трактовки. По нашему мнению, такая трактовка может появиться в результате аксиологической интерпретации конституционализма. И с этой точки зрения, человеческое достоинство можно понимать как способность каждого индивида в соответствии со своим возрастом к рациональному осуществлению частной и публичной автономии, то есть к рациональному свободному поведению. В праве же эквивалентом категории человеческого достоинства является категория правосубъектности личности, которая определяется как способность личности приобретать права, выполнять обязанности и нести ответственность за недобросовестное осуществление прав или исполнение обязанностей. В этой связи рациональность человеческого достоинства может определяться как добросовестность свободного поведения, то есть соблюдение принципа доброй воли при реализации частной и публичной автономии. Поскольку, согласно известной теореме немецкого логика К. Геделя, ни одна формальная система может сама из себя обосновать свои исходные посыпки, постольку категория человеческого достоинства служит ценностным фундаментом современного права и государства. Только понять это можно при экспликации аксиологической значимости конституционализма.

И последняя, но не по значению, проблема социального государства, по мнению вышеуказанных российских юристов, состоит в том, что оно декларирует нереальные цели, а именно: достижение материальной справедливости, суть которой уравниловка. Правовая справедливость же возможна только как формальное равенство субъектов, что и является сущностью права как такового. С точки зрения конституционализма, справедливость — это не состояние, а процесс создания условий для реализации социальным субъектом своей частной и публичной автономии. И формальная справедливость — необходимая, но недостаточная предпосылка этого процесса. Конфликт же социального государства со справедливостью на практике начинается только тогда, когда оно в своей деятельности отходит от страхования социальных рисков на основе общественной собственности и начинает гарантировать индивиду тот жизненный уровень, который он однажды достиг. «Такая гарантия есть, в сущности, привилегия, ибо ее невозможно предоставить всем, а значит, шансы обойденных уменьшаются за счет привилегированных»³². Именно переход от исходных принципов социального государства, когда оно страховало свободу гражд-

³² Хайек Ф.А. Указ. соч. С. 378.

данина, к попытке компенсировать издержки свободной жизни и вызвал кризис современного государства всеобщего благоденствия в развитых странах. Но демонтаж институтов социального государства приведет только к сужению пространства для частной и публичной автономии. Поэтому их необходимо развивать и наполнять новым содержанием, исходя из аксиологической интерпретации конституционализма.

К сожалению, рассмотренная выше проблематика имеет для нашей страны не только теоретическое, но и большое практическое значение. По нашему мнению, начиная с 2000 г., наше правительство проводит политику демонтажа институтов социального государства, согласно «Стратегии социально-экономического развития России до 2010 г.», разработанной под руководством Г.О. Грефа, которая не была утверждена отечественным парламентом. Одним из ее краеугольных камней был отказ от концепции социального государства, невзирая на ст. 7 Конституции РФ, и переход к так называемому субсидиарному государству, суть которого объявлялась адресная помощь нуждающимся, согласно критериям, определенным решениями Правительства РФ³³.

На этом пути были со скандалом монетизированы льготы отдельных категорий граждан (очевидно, что в результате этого они подверглись коррозии инфляцией). Без лишнего шума была ликвидирована система пенсионного, социального и медицинского страхования, которая теперь стала формироваться за счет налоговых поступлений, а значит, она начала полностью зависеть от текущей бюджетной ситуации. Кроме того, была введена плоская шкала налогообложения доходов физических лиц; подорваны роль и значение профсоюзов как защитников интересов лиц наемного труда. Также было полностью нивелировано индикативное значение минимального размера оплаты труда (МРОТ) и проведена сомнительная пенсионная реформа. Короче говоря, во имя соответствия неким дискурсивно неопределенным либеральным критериям бюджетной эффективности были или ликвидированы, или выхолощены основные институты социального государства в нашей стране. Однако, к сожалению Г. Грефа, А. Чубайса, А. Кудрина и других российских либералов-государственников, не все задуманное было реализовано. Поэтому впереди нас ждут и повышение пенсионного возраста, и реформирование принципов финансирования и функционирования учреждений образования и медицины. Поговаривают также и об очередной пенсионной реформе в связи с хроническим дефицитом российского пенсионного фонда.

На фоне таких свершений российская власть считает своим особым достижением постоянную индексацию пенсий пенсионеров и зарплат бюджетников. Однако если анализировать ситуацию с точки зрения базовых ценностей концепции социального государства, ситуация оказывается совсем не привлекательной. Например, если взять такой важный показатель социальной защищенности пенсионера, как коэффициент замещения пенсии, который рассчитывается в процентах от средней зарплаты по стране, то получается, что до сих пор даже не достигнут уровень 35 %, который был зафиксирован в нашей стране в конце 90-х гг. прошлого века, то есть до начала реализации программы Грефа. Сейчас же он составляет 26 %, а самое главное — совершенно не понятно, когда это будет сделано, хотя и очевидно, что и этот уровень недостаточен для достойной жизни в демократическом обществе³⁴. И таких примеров можно привести великое множество. Получается, что четкая система социальной защиты, которая была создана в нашей стране на основе Конституции, вместо того чтобы совершенствоваться в соответствии с доктриной социального государства, была заменена, по сути дела, непрозрачной системой массового подкупа активной части электората (то есть пенсионеров и бюджетников), размер которого полностью зависит от текущей бюджетной ситуации и воли высшего политического руководства страны. Хотя уже давно было установлено, что именно общественная собственность как антитеза частной собственности, а не строка в государственном бюджете, может гарантировать индивиду, живущему наемным трудом, право на частную и публичную автономию.

К сожалению, отечественную политическую, экономическую и научную элиту эта проблема не очень беспокоит. В фокусе их внимания лежат вопросы наполняемости, сбалансированности и расходования бюджета. Очевидно, что в сложившейся ситуации возрастает роль и значение профессионального экспертного сообщества. Например, юристы должны вспомнить, что они обязаны не только обосновывать существующие властеотношения, но также облекать в правовую форму идеи равенства, свободы, справедливости и человеческого достоинства, а не отмахиваться от них под предлогом их неправовой сущности. Философам необходимо сконцентрироваться на своем прямом призвании — заниматься рационализацией базовых социальных ценностей и осуществлять аксиологическую интерпретацию важнейших форм общественного сознания. Ведь без имплементации этих ценностей в широкие слои российского общественного сознания не-

³³ Стратегия развития Российской Федерации до 2010 г. // Коммерсантъ. 2000. 12 мая.

³⁴ Согласно расчетам специалистов Международной Организации Труда (МОТ), коэффициент замещения пенсии должен быть не ниже 50 %.

возможна солидаризация наших граждан в новую политическую общность российский народ и превращение их в подлинного конституционного суверена. А значит, невозможна и реализация императивов нашей Конституции о рассмотрении человека, его права на частную и публичную автономию как главной цели общественного развития. Таким образом, только творческое развитие концепции социального государства позволит нашей стране выйти из кризиса нравственно обновленной, даст возможность создать новые прочные правовые институты, что и станет основой для стабильного развития России в XXI в.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия. Опыт комплексного исследования. М.: Норма, 1999. 330 с.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 376–644.
3. Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство по гражданским делам и его элементы в свете идеи верховенства права // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 138–149.
4. Баиева Н.А. Социальное государство и его основные критерии. URL: <http://science.ncstu.ru/articles/law/f06/04/pdf>.
5. Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. М.: Мысль, 1965. 544 с.
6. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009. 576 с.
7. Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / А.С. Автономов, Н.С. Бондарь, А.М. Ковалев и др.; отв. ред. В.А. Четвернин. М.: Центр конституц. исслед. Моск. Общ. Науч. Фонда, 1997. 702 с.
8. Кочетков В.В. Еще раз о сущности социального государства // Закон и право. 2009. № 7. С. 5–13.
9. Кочетков В.В. Справедливость как сущность социального государства // Философия права. 2009. № 5. С. 32–36.
10. Кутафин О.Г. Российский конституционализм. М.: Норма, 2007. 544 с.
11. Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права. URL: www.libertarium.ru/1958?print.view=yes/
12. Политическая философия в Германии: сб. ст. М.: Совр. тетради, 2005. 520 с.
13. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II–I. Киев: Эльга: Ника-Центр, 2006. 576 с.
14. Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2004. 644 с.
15. Чиркин В.Е. Какая форма правления существует в современной России? // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 32–40.
16. Чиркин В.Е. Современная концепция публичной власти // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 73–82.

The idea of justice and the constitutional problems of welfare state

Kochetkov V.V.,

PhD in Philosophy, senior lecturer at the Department of the state and municipal management of the Academy of civil defense of EMERCOM of Russia
E-mail: vovov69@mail.ru

Abstract. *Why in the process of overcoming the consequences of the crisis are increasingly talking about the need to reject the model of the welfare state? The author believes that the bases for such arguments are real constitutional problems of theory and practice of the welfare state. However, their resolution based on the proposed in this paper axiological understanding of constitutionalism allows you to save institutions that are necessary to implement the basic values of Western civilization — freedom and justice. Only on this basis it is possible to develop a public consensus on the ways to overcome the current crisis. In addition, this first implementation, and reasonable in the Russian literature axiological interpretation of constitutionalism has, in author's opinion, to determine the lawmaking and enforcement in the Russian Federation.*

Keywords: *constitutionalism, welfare state, freedom, private and public autonomy, human dignity, social justice.*

References:

1. Alekseev S.S. Pravo: azbuka-teorija-filosofija. Opyt kompleksnogo issledovaniya. M.: Norma, 1999. 330 s.
2. Aristotel'. Politika // Aristotel'. Sobr. soch.: v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1984. S. 376–644.
3. Afanas'ev S.F. Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo po grazhdanskim delam i ego jelementy v svete idei verhovenstva prava // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 138–149.
4. Baieva N.A. Social'noe gosudarstvo i ego osnovnye kriterii. URL: <http://science.ncstu.ru/articles/law/f06/04/pdf>.
5. Kant I. Soch.: v 6 t. T. 4. M.: Mysl', 1965. 544 s.
6. Kastel' R. Metamorfozy social'nogo voprosa. Hronika naemnogo truda. SPb.: Aletejja, 2009. 576 s.
7. Konstitucija Rossijskoj Federacii: Problemnyj kommentarij / A.S. Avtonomov, N.S. Bondar', A.M. Kovalev i dr.; отв. ред. V.A. Chetvernin. M.: Centr konstituc. issled. Mosk. Obshh. Nauch. Fonda, 1997. 702 s.
8. Kochetkov V.V. Eshhe raz o sushhnosti social'nogo gosudarstva // Zakon i pravo. 2009. № 7. S. 5–13.
9. Kochetkov V.V. Spravedlivost' kak sushhnost' social'nogo gosudarstva // Filosofija prava. 2009. № 5. S. 32–36.
10. Kutaфин O.G. Rossijskij konstitucionalizm. M.: Norma, 2007. 544 s.
11. Mamut L.S. Social'noe gosudarstvo s toчки zrenija prava. URL: www.libertarium.ru/1958?print.view=yes/
12. Politicheskaja filosofija v Germanii: sb. st. M.: Sovr. tetradi, 2005. 520 s.
13. Foma Akvinskij. Summa teologii. Ch. II–I. Kiev: Jel'ga: Nika-Centr, 2006. 576 s.
14. Hajek F.A. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nyh principov spravedlivosti i politiki. M.: IRISJeN, 2004. 644 s.
15. Chirkin V.E. Kakaja forma pravlenija sushhestvuet v sovremennoj Rossii? // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 32–40.
16. Chirkin V.E. Sovremennaja koncepcija publicnoj vlasti // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 2 (3). S. 73–82.